

Поселок Бундюр, общеобразовательная школа

Уважаемые учителя! Пусть вас мое письмо не удивит и не сделает к нему неуважение. Дело, о котором мне нужно сказать вам, многолетней давности. Я обращаюсь к вам за милосердием. В ваших местах в 30-е годы, в сторону больницы, которая была построена в 33 году, километрах в 4-5 от пос. Бундюр, у таежной дороги у речки стоял детдом. Рядом с ним проходило неглубокое русло без воды для стока в речку весенних вод. Через русло лежал маленький деревянный мостик для езды. За этим мостом, направо, за небольшим холмом, есть братская могила, в которой похоронено несколько десятков маленьких детей. Обращаюсь и прошу вас силами школьников найти могилу, оправить на ней могильный холимк, поставить / по-русски / крест, и на нее положить хвойную ветку. В могиле лежат святые, ни в чем не повинные, не запятанные маленькие люди - жертвы геноцида. А теперь я расскажу вам откуда мне это известно. Начну с того - кто я и что меня связывало с теми местами, о которых я вам сообщаю. Родился я в Алтайском крае. Издавна жила там моя семья, жила из поколения в поколение. Жить бы ей там, в новом поколении, и поныне. Да судьба ей не та была уготована. Родной матери не было, жили в семье с отцом да мачехой. Сведенных детей было семеро. Ее трое, да мы у отца четверо. Жили спокойно, занимались своей крестьянской жизнью. Грядущая обстановка для села была тревожной. Настал для всех людей села, где мы жили, а особенно для нашей семьи, страшный 1930 год. В одночасье был разрушен и уничтожен весь многовековой уклад крестьянской жизни. Отец был арестован, встал вопрос о выселении нашей семьи в Нарымский край. Мачеха со своими детьми бросила нашу семью, уехала в свое село. С собой взяла и меня одного, а три мои сестры / старшей было 14 / были оставлены на высылку без родителей, без взрослых. Мачеха перед своим отъездом завела меня в дом и сказала: "Простись, Алеша, с домом". Я видел: в передней комнате лежал чужой скраб и разные вещи, на которых сидела большая чужая девочка. Дом заселялся новыми хозяевами. Арест отца, раскулачивание и разграбление хозяйства, нажитого тяжелым крестьянским трудом, потрясло деда и он тут же скоропостижно скончался. В селе у мачехи, куда она уехала, жить мне не пришлось. Помню, несколько раз / в этом селе Шахи / с детьми мачехи ходил в столовую и ел там коммунарскую кашу. Это послужило причиной доноса на меня. Власти мачеху предупредили - если я у нее останусь, то и она будет выселена. Семилетним ребенком я был репрессирован властями и меру ответственности мне назначили высылку в Нарым. Это был беспредельный низкий и подлый акт насилия геноцида над ребенком. Прожив жизнь, я не слышал, чтобы вот так где-нибудь власти поступали с детьми. Я так и не понял, почему семилетним я оказался вредным элементом для Советской власти.

Прессованная бумага, 1970 г.  
начало 30-х годов

Мачеха тотчас же повела меня из села. Шли с ней пешком долго / весь день / и лишь в Барнауле у железной дороги под вооруженной охраной нашли моих ссыльных сестер. Она осавила меня там. Мачеха выполнила роль конвоира. Мачеха не мать родная, хоть и коварно, но свое дело сделала. Наше горе ей не было больно. Итак, мы, четверо детей, были поставлены в ответ без всякой виновности. Заступиться за нас не нашлось никого. Говорю об этом с болью. Обреченные, мы отправились в тот злополучный год вместе со многими ссыльными поездом в далекое путешествие без утепленной одежды и без средств к существованию. Власти не знали пощады даже к детям. Нам грозила неминуемая гибель. Старшей сестре Марии было 14 лет, Вере - 10, мне Алексею - 7, Ане - 5. От города Томска водным путем, пароходом, все ссыльные были отправлены дальше на север и высажены на берег в неведомой нам тайге. Где-то там, за лесом, был поселок Бакчар. В тайге, как и все, мы смастерили себе шалаш из березовых веток. Шли дни. Скучные запасы нашей пищи стали заканчиваться и, наконец, их совсем не стало. Наступили дни скитаний и голода. Глубину детской трагедии можно понять и сегодня. И чтобы хоть как-то спастись - побирались. Но голод был неуловим и уступать ему стала первой маленькая Аня. Ей бы еще молоко пить материнское, но судьба, навязанная нам людьми-извергами, решила по-своему. Девочка опухла и вскоре перестало биться ее детское сердечко. Непи санный приговор палачей над нами стал реализовываться. Церемонных похорон не было. Там же в тайге у хвойного дерева вырыли неглубокую ямку и Аню положили в нее. Плакали ли сестры на могиле - не помню. Я не плакал: не понимал скорби и утраты. Нашу беду заметили взрослые люди и предложили обратиться в Бакчаре к коменданту. Одна женщина из ссыльных повела нас к нему. В деревянном доме, куда мы зашли, на столе лежал вооруженный в военной форме толстый здоровяк. Не вставая, выслушивать он нас не стал, и сказал, чтобы мы покинули его контору. Мы ушли, а он все ставался лежать на столе. Вскоре к нам пришло новое несчастье. От голода ушла из жизни Вера. Она также нашла свое место в тайге у высокого хвойного дерева. Наступали холода. Там рано осень начинается. Шалаш стал обивился непригодным жилищем. Вот теперь наступил и для меня роковой час. На меня свалилась болезнь брюшного тифа. Помню - лежал в шалаше. Мне было тяжело и жарко. А потом как-будто уснул. Меня покинуло сознание. Надо мной закрылось небо. О, мать, родная мать - какое право тебе имела умереть, как трудно твоим детям. Властями они подвергнуты смертельной опасности. Крайность взывала всевышнего на это..

Эта ссылка - это была гнусная расправа над малолетними детьми в полном ее смысле, это была безнравственность и чудовищная социальная несправедливость над нами. За скитание и смерть детей, за гибель семьи, за лишение Родины, за отнятое и поруганное детство, я не могу оставить

без обвинения исполнителей чудовищной дикости, беспощадность которых не знала человеческая бытность. Это было преступное злодеяние против людей и прощению оно не подлежит.

Но судьба надо мной смилостивилась. Мой маленький организм боролся за жизнь один на один с этой свирепой болезнью и одолел. Ко мне вернулось сознание. Лежал я уже на койке, в помещении с окнами. Надо мной склонилась моя сестра Маша, плакала и спрашивала хочу ли я кушать. Рядом со мной еще стояли койки. На них лежали больные дети. Подняться сил не хватало. А когда мне стало лучше, Маша поднесла зеркало. Я был неузнаваем. Находился я в небольшом медицинском изоляторе при детдоме. Стоял он у дивижийхх таежной дороги в 4-5 км от пос. Бундюр. Прошло время и я своими ногами вышел из него. Так вот я оказался в детдоме. Скажут: "В войну было пострашнее." То ведь была война. Была схватка всего народа с иностранным врагом и трагедия людей в ней была неотвратима.

На дворе стояла зима. Эпидемия тифа распространилась на многих детей. Все они прошли через изолятор, да мало кто из него вышел своими ногами. Детдом был беден. Дети спали без постелей на сплошных деревянных нарах, по типу тюремных. Были случаи, когда дети умирали прямо в этой свалке. Постоянно недоедали. Помню один факт: к обеду дали каждому по селедке. Один мальчик предложил другому болезненному мальчику - если последний стоя, без помощи рук съест свою селедку в таком виде, как ее дали / с головой/, то он / первый мальчик/ отдаст свою. Болезненный мальчик согласился. Стала тишина и присутствовавшие внимательно смотрели исполнение. Мальчик менялся, с лица текли слезы и пари досталось ему. Первый отдал свою селедку, но заплакал. А болезненный мальчик не выжил. Его где-то по весне нашли в этой свалке ночью неживым.

Вошь была главным распространителем болезней. Умершим гробы не делали. Их надо было много, а делать было некому и неизчего. Хоронили всех за мостиком направо, за холмом в сугробах снега. А весной рабочие выкопали большую яму, сложили туда все маленькие трупы и похоронили их как солдат на войне в братских могилах. Случай с селедкой вроде бы эпизод да и только. Это была детская трагедия, и, чтобы понять, надо в нее проникнуть. Сестра Маша в свои 15 лет повзрослела и ее пригласили в поселок работать в маленькой больнице. После 33 года в ней стала школа. Я в детдоме стал скучать по ней. Иногда уходил к ней. Мне очень хотелось ее видеть и хоть на день-другой остаться у нее. По ее совету обращался к врачу, показывал несуществующую боль в боку. Врач меня понимал, прописывал грелку на бок и помещал в больницу. Радости тогда моей не было предела. Теперь я видел каждый день свою милую Машу.

Я ее очень любил, как все дети свою мать. И рядом с ней мне было приятно. Через несколько дней врач выписывал меня и я возвращался в детдом. Приходилось еще не раз вот так вот обращаться к врачу и он мне в "лечении" не отказывал. Фамилия его была Дядькин Яков Степанович. Он очень любил ездить верхом на коне в седле в буденовской форме. Со стороны мальчишкам смотреть было радостно. Они все завидовали ему.

Летом 1931г. после освобождения отец забрал меня из детдома. Три года жили мы с ним в пос. Бундюр, работал он в местном колхозе. Председателем там был Бредихин. Весной 1931г. в Бундюре было кровавое событие. Туда прибыл военный отряд. Мои одноклассники Шевляков Валентин и Снегирев Борис рассказывали мне о произволе этого отряда. Возвращаясь из школы, Шевляков не раз показывал мне место у дороги, где расстреляли его дядю. Рассказывал как пришли к хижине дяди двое военных. Дядя спрятался в сарае. Военные требовали выйти. Наконец, испуганный, он переступил порог и снова в сарай возвратился. Так сделал несколько раз. А как только вышел совсем, военные под штыками повели его. Метрах в двухстах от хижины, на глазах у семьи положили его вниз лицом около дороги и расстреляли в затылок. Многие ссыльные тогда убежали в тайгу, которая была рядом с поселком. А тех, кто остался на их милость, постигла эта же участь. Это была террористическая акция на истребление. Видать мало было хищнику того, что люди были разорены и выселены. Весной 31г., будучи еще в детдоме, я лично видел этот отряд в буденовской форме. Всадники были верхом на лошадях. Отряд шел по дороге со стороны Бундюра в следующее селение мимо детдома. Шел шагом и долго. Всадники были хмурые, погруженные в свои думы, и, было похоже, дремали в седле.

4 января 35года мы из Бундюра уехали Барнаул. В феврале 35г. отец ушел в Павловский район / откуда были выселены / хлопотать себе документы и оттуда не вернулся. В Бундюре отец привел мне новую мачеху. Приятности к этому браку у меня не было, все виделось по-чужому. Я от мачехи сбежал, и снова навстречу моему детству подул злой ветер невзгод и осложнений. И пока не стал взрослым, я нигде не говорил того, о чем пишу вам, дабы не навлечь на себя немилости.

У меня еще к вам одна просьба. Если пожелаете, узнать в больнице сколько еще работала и жила при больнице в Бундюре после 35 года моя сестра Чернодарова Мария Александровна 1916г. / примерно/. Письмо нелогично. И пусть оно не принесет вам беспокойства. А пишу это письмо вам потому, что с детства во мне утвердилось понятие: учителя в детской школе лучше дркгих, они не испорчены недугом бюрократии. Буду до конца своих дней благодарен вам за все, что сможете сделать для меня. Прошу извинения за беспокойство. 346610 Ростов. обл. п. Багаевский, ул. Микеладзе 48. Чернодаров Алексей Алесандрович